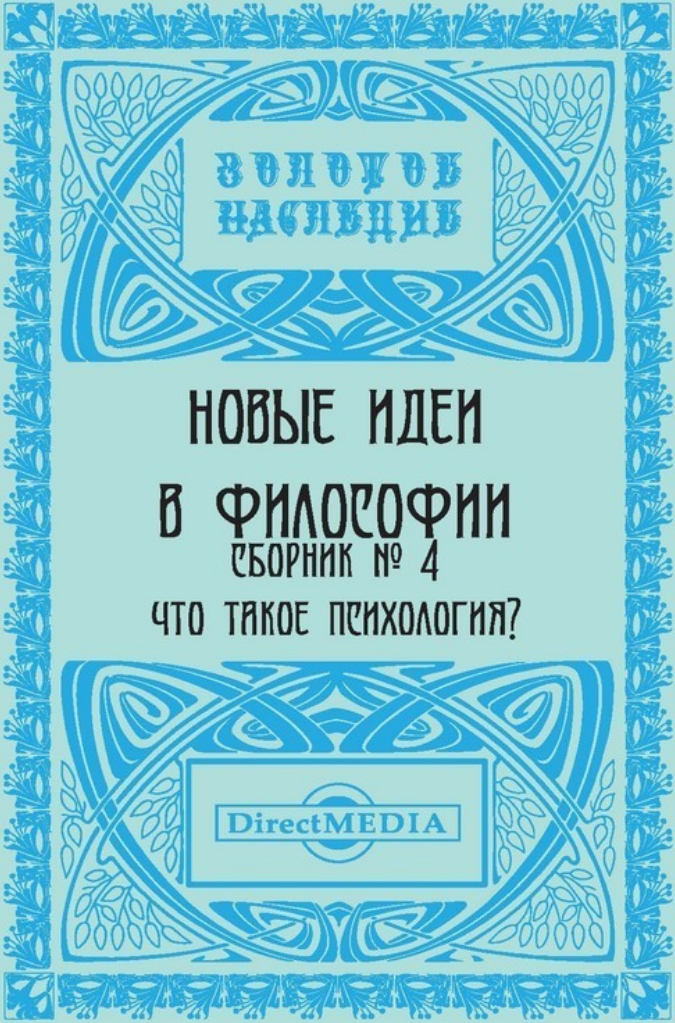
ЗОЛОТОЕ НАСЛЕДИЕ



НОВЫЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ

СБОРНИК № 4

ЧТО ТАКОЕ ПСИХОЛОГИЯ?

DirectMEDIA

Коллектив авторов

Новые идеи в философии. Сборник номер 4

Серия «Новые идеи в философии», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824247
Новые идеи в философии. Сборник № 4. Что такое психология?:
Директ-Медиа; М.-Берлин; 2014
ISBN 978-5-4458-3857-9

Аннотация

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад – в 1912—1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Брентано, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

Содержание

Предисловие 4
В. Шуппе. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Новые идеи в философии. Сборник номер 4

Предисловие

Определение понятия психологии есть одна из труднейших проблем. До сих пор еще не установлено точно, какая именно группа фактов подлежит исследованию этой науки. В то время, например, как одни психологи затрачивают все свои силы на исследование таких явлений, как содержания зрительных, слуховых и т. п. ощущений, другие психологи (например, Штумпф, Пфендер) полагают, что содержания ощущений вовсе не составляют предмета психологии. Одни философы думают, что все, наблюдаемое в составе сознания (следовательно, весь непосредственно данный в сознании мир), есть предмет исследования психологии; наоборот, другие (например, Шуппе) полагают, что только небольшая часть явлений, находящихся в составе сознания, подлежит ведению психологии.

В виду столь глубоких разногласий, редакция сборников «Новые идеи в философии» сочла полезным поместить в первом сборнике, посвященном психологии, статьи, содержащие в себе попытки отграничить область психологии от остальных наук. В других сборниках будут помещены статьи,

знакомящие с исследованиями некоторых важнейших проблем, например, статьи по психологии бессознательного и т. п.

Н. О. Лосский и Э. Л. Радлов

В. Шуппе.
Понятие психологии и ее границы [1]

Было бы нецелесообразно спорить о понятии и границах отдельных наук, если бы этот спор не содействовал выяснению какого-либо положения, которое само по себе имеет ценность научного познания и ясно показывает, что спор вообще был возможен лишь, поскольку оно оставалось неизвестным или незамеченным, вследствие чего каждая сторона, по-видимому, приводила одинаково годные и негодные основания.

Готовясь изложить положение, которое, как мне кажется, способно разрешить окончательно спор о понятии и границах психологии, о ее положении и значении в человеческом знании в его целом, я должен попросить, у известного класса философов в особенности, разрешения расчленить факты, доставляемые ежедневным опытом, на их различимые составные части, элементы и моменты. При этом естественно получатся абстракции, и их-то я хочу охранить от ошибочных толкований. Современное мышление в большинстве случаев в сильной степени направлено только на конкретно-ощутимое; оно не умеет находить абстрактных момен-

---

[1] Для чтения статьи Шуппе полезно знакомство с его гносеологиею. Изложение гносеологии Шуппе дано в III сборнике «Новых идей в философии». Прим. ред.

тов понятия в конкретном и выделять их из него; они представляются ему, как нечто совершенно чуждое или как надуманные метафизические сущности; если же анализ настолько удается, что различные составные части явно обнаруживают свою взаимную связь, то последнюю считают априорною конструкцией или «только дедукцией из понятий»; и эти обозначения сейчас же освобождают от обязанности проверить изложенные мысли и обоснования и серьезно вникнуть в них.

Известно, что за догматизмом и его понятием истины с естественной необходимостью должен следовать скептицизм. Как известно, скептицизм, считающий недоступною действительность, с которою должно согласоваться истинное мышление, в конце концов привел к исследованию самих понятий истины и действительности. Результат этого исследования и есть вся теория познания в логике. И если истинное познание есть познание действительности, то это исследование есть в то же время и онтология.

Первое абсолютно несомненное бытие или действительное есть, как известно, бытие мышления или сознания. Но этим самым мы отказываемся от старого понятия истины. Действительность, которой должно соответствовать истинное мышление, нужно искать, исходя из этого мышления, т. е. через это мышление. То, что мы при этом найдем, очевидно, будет зависеть от ясности самого понятия мышления. Неясность происходит от смешения его с принятым без кри-

тики понятием субстанции и души; эта неясность определяла долгое время направление философии и вызвала ряд заблуждений, чреватых серьезными последствиями.

Для его выяснения необходимо прежде всего выдвинуть одну противоположность, которая долго оставалась совершенно незамеченною.

Говоря о первом несомненном бытии, именно о бытии сознания или мышления, всякий разумел и разумеет также и теперь под этими словами прежде всего свое собственное сознание или мышление, т. е. свое индивидуальное сознание.

Кто объявляет психологию всеобъемлющей и господствующей основной наукой, должен мыслить душу, как индивидуальное сознание. Пусть дальнейшее размышление выведет его за пределы этого воззрения, но вначале во всяком случае мир, который он знает, ему дан и существует только, поскольку он имеет отношение к нему. Многие, отрицая субъективный идеализм, тем не менее выдвигают в интересах основной науки психологии то положение, что весь мир есть результат восприятия, мышления, умозаключения и переживания, и что все то, что не есть восприятие, мышление, заключение, переживание, не принадлежит к миру, т. е. к тому миру, который каждый из нас знает; что, следовательно, необходимо исходить из этого переживания и его прежде всего иметь в виду.

Я настаиваю на том, чтобы понятие души и психологии было развито отчетливо. Для того, кто понимает душу, как

нематериальную субстанцию, в которой возникают и заключены сознание и мышление и по отношению к которой мир телесный существует вовне, т. е. пространственно от нее обособлен, психология не может быть основною наукою. В самом деле, тот, кто придерживается такого взгляда, будет, по крайней мере, знать, что предпосылкой ему служит учение о субстанции.

Но кто действительно мыслит душу только как индивидуальное сознание и притом имеет в виду не абстракцию, должен выяснить себе, что конкретное сознание не может существовать без знакомого нам воспринимаемого мира вещей.

Тогда к психологии относятся не только течение мыслей, настроения, пожелания, принуждение вывода, которые каждый может испытать только в себе, не только так называемая субъективная деятельность или определенность ощущения, но к ней также относится, например, и то, что мы видим в каждом данном случае, так как зрение без объекта – ничто, и при отвлечении от объекта ничего не остается, что можно было бы признать субъективной деятельностью сознания.

Тогда прежде всего следовало бы выяснить отношение этой души к наполняющим пространство содержаниям ощущения или, другими словами, к телесному миру. Если последний не принадлежит к предметам психологии, то уже отсюда следует, что эта наука должна иметь более узкие границы. В самому деле, если мы находим совокупность всего бытия, как объект нашего собственного индивидуального со-

знания, и тем не менее признаем, что не все может и должно быть отнесено к психологии, то мы должны отыскать границы психологии.

В каждой отдельной вещи можно отличить то, что составляет ее индивидуальность, от абстрактных основных свойств, которые в своей внутренней связи образуют видовое или родовое понятие; подобно этому, если только верно логическое учение, что нет индивида, которого нельзя было бы подвести под видовое или родовое понятие[2], и в индивидуальном сознании в его целом или в сознающем индивидууме можно различить то, что составляет его индивидуальную особенность, иными словами, то, в чем это индивидуальное состоит, от того, что есть видовое или родовое начало. Последнее я называю сознанием вообще и обозначаю его как «подлинный» род, к которому принадлежит каждое индивидуальное сознание; взятое само по себе, сознание вообще есть, конечно, абстракция. Краткая ссылка на учение логики о «подлинных» родовых понятиях и об абстракции будет полезна для понимания последующего.

Если я в каком-нибудь восприятии различаю составные части, то последние могут иногда еще сами по себе быть восприняты и представлены; абстрактной же будет такая выделенная мысленно из пережитого восприятия составная часть, которая абсолютно не может быть сама по себе представлена или воспринята, но всегда только вместе с другой

---

[2] См. Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, стр. 451.

составной частью[3], например, чувственное качество нельзя себе представить без пространственной или временной определенности, или родовое понятие чувственного качества – без видового признака.

Здесь прежде всего нужно подчеркнуть и не излишне с настойчивостью несколько раз повторить, что указанные моменты – родовое свойство, видовая особенность, пространственная и временная определенность – не суть создания умозрения, а получаются путем простого расчленения действительности и, можно сказать, навязываются каждому беспристрастному и непредубежденному мыслителю.

Эти составные части в их своеобразии и взаимной зависимости суть просто факты, которые нужно признать, не считаясь с существующими предубеждениями.

Связь различных составных частей не поддается ни описанию, ни определению; она принадлежит именно к структуре бытия. Ее можно узнать только из опыта при попытке мыслить видовой признак, например, красноту или круглость отдельно или в отвлечении от того, что составляет родовое начало, например, отдельно от цвета или формы. Видовой признак при этом делается абсолютно немыслимым. Выражение «родовое заключается в видовом» неизбежно, но, очевидно, неудовлетворительно. Слова «родовое лежит в основании видового» выражают больше и лучше, но это все же только образ. Под ним подразумевается зависимость по-

---

[3] См. Erk. Log., стр. 162 сс.

нятий. От самого характера родового понятия зависит, что оно приобретает для нас действительность восприятия только при тех, а не иных видовых определениях, так, например, от самого характера родовых понятий цвета и формы зависит, что они не могут быть определены, как восприятия, через те или иные звуки. В родовом понятии, таким образом, заключается вся возможность его определений; поэтому оно есть господствующая точка зрения для последних, и если известное число явлений может быть путем подведения под одно абстрактное общее понятие координировано в указанной зависимости от него, то этим достигается одно из важнейших научных завоеваний. Что родовое понятие «действует», этого нельзя сказать в собственном, более узком значении слова[4], но зато это можно сказать в более широком смысле, именно в смысле причинной зависимости или необходимости.

Общее родовое, поскольку я его мыслю само по себе, есть единое. Если же оно «содержится», как выше было сказано, во многих видах, то оно кажется столько раз существующим, сколько есть видов. Но вид сам по себе – еще абстрактное понятие, и если я считаю виды[5], например, «красный и зеленый – два цвета», «есть много цветов», то этим не исключается, что родовое, мыслимое и обозначаемое каждый раз как цвет, есть одно и то же. Форма множественного числа

---

[4] См. Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 92 сс.

[5] См. Erk. Log. и Grundriss о числе.

«цвета» не должна вводить в заблуждение; так как считать можно только однородные предметы, то множественное обозначается всегда словом, указывающим тождественную сторону предметов; однако, самый факт присутствия цвета есть в них всех одно и то же. Правда, когда я представляю себе оба цвета, красный и зеленый, или когда я их вижу глазами перед собой, они занимают в отношении друг друга разные места в пространстве, и если в воспринятом красном или зеленом имеется нечто общее родовое, то кажется, что и это последнее имеется два или относительно большее число раз. И это относится не только к роду, но и ко всякому абстрактному моменту; так, абстрактное в видовом признаке, красное, кажется многократно существующим во многих красных точках. Трудность состоит, с одной стороны, в склонности всегда мыслить, незаметно для себя, абстрактное, как конкретное, или ставить требования, которым может удовлетворять только конкретное и которые от него только и могут быть заимствованы; с другой стороны, трудность состоит в склонности упускать из виду природу пространственного воззрения. Если воспринятую в трех местах красность или цвет принимать за три красности или три цвета, то это значит рассматривать абстрактное, красность или цвет, как конкретное. Если мое объяснение, что это есть одна и та же красность или одна и та же цветность, вызывает сомнение; если кажется непонятным или внутренне противоречивым, что одно и то же может существовать или быть воспринято

в трех местах, оставаясь в то же время одним, то это опять объясняется тем, что абстрактная красность или цветность принимается как конкретное. При этом прежде всего затемняется понятие действительности. Я только произвожу анализ (крайне необходимый во всех областях), когда я, не прибегая ни к каким объяснениям, основанным на каком-либо сомнительном принципе, принимаю за составные части действительности, по крайней мере, одно чувственное качество и вместе с ним пространственную и временную определенность, и каждую из этих составных частей самое по себе обозначаю, как абстрактное.

Абстрактные моменты в своей неопределимой совокупности составляют конкретно действительное, т. е. качественно определенную часть времени или пространства. Тут опять может и должно возникнуть сомнение, каким образом абстракция, качество, может наполнять пространство. Это невозможно; для этого оно должно было бы стать протяженным, следовательно, не быть абстракцией. Высказывать такие сомнения – это значить превращать то, что я нахожу, анализируя действительность, в реальный процесс, как будто бы абстрактное качество существовало прежде само по себе (как конкретное), а затем очутилось передо задачею стать протяженным. Ничего подобного не совершается в действительности; на деле пространственно определенное качество или качественно определенная часть пространства, т. е. неопределимая совокупность есть конкретная действи-

тельность, а каждая составная часть сама по себе есть абстракция. Если освоиться с этим простым положением, то не будет казаться противоречием, что «красность» или «цветность» в трех местах есть не тройное, а одно и то же, хотя и существуют три красных или три цветных места.

Цветность и красность есть конкретно действительное только в данном красном месте и в данное время; если же я противопоставляю ее данному месту (с целью представить также и этот абстрактный момент численно-множественным), она тотчас становится одною[6].

Это напоминание о сущности подлинного родового понятия поможет нам понять, что такое сознание вообще и его отношение к индивидуальному сознанию.

Я указал на собственное сознание, как на первое единственно действительное бытие, и назвал его индивидуальным сознанием. «Индивидуальным» я прежде всего объявляю все то, что каждый думает, когда, говоря о себе, употребляет словечко Я, например, когда рассказывает о своем детстве: «Я был шаловливым мальчиком»; или говорит о своем будущем: «Я покину место своего жительства, Я изберу себе другую профессию», или когда рассказывают: «Я видел, заметил это, думал при этом о том-то, имел такое-то намерение, Я такого-то мнения, Я решился и т. д.

Вследствие своей самодостоверности и самосозерцания,

---

[6] О единстве см. Grundriss стр. 10 сс., также Schuppe, Grundzüge der Ethik. стр. 210 сс.

это Я не чувствует потребности в определении самого себя. Оно вполне уверено, что оно есть нечто иное, чем мир вещей, в котором оно находится; хотя я неопределимым образом бесконечно ближе к «собственному телу», чем ко всем другим вещам в пространстве, оно все-таки отличает себя от тела, как обладатель eo ipso – от вещи («собственного» тела), которою он обладает; оно совершенно уверено, что в окружающем мире существуют другие человеческие тела, в каждом из которых тоже находится другое Я точно так же, как в его собственном теле; и это Я так легко и верно отличает себя от всего остального, что возможность ошибки совершенно исключается. Я сознает себя заполняющим своею жизнью вполне определенную часть времени, в которое оно вступило в совершенно определенный момент; оно сознает себя заполняющим своим телом вполне определенную часть пространства; то же самое оно знает и о каждом другом Я. И пока Я живет, имеет переживания и эти переживания в своем целом составляют *его* жизнь, оно сознает себя субъектом, переживающим носителем этих определений, одним и тем же Я среди всех изменений. Измениться, стать чем-то другим и все же остаться тем же самым, – все это не является проблемой для непосредственного сознания. Каким образом изменяющиеся определения согласуются с тем, что в них всех есть одно и то же и принадлежат именно этому одному, – не может стать вопросом, так как сами эти определения не могут существовать и даже немыслимы без Я, ко-

торое ими определяется и которое их сознает как свои определения; и с другой стороны это Я в такой же мере немыслимо без них. Но Я все-таки отличается от них, как носитель, как нечто, обладающее определениями, – от самого определения, как определяемое, как то, что есть всегда одно и то же.

Теория спрашивает, что бы это могло быть такое. Жизнь предшествует теории, ее факты подлежат исследованию и составляют предпосылку и предмет теории; и вот в жизни Я знает себя только как определенное, только со своими переживаниями, которые именно и образуют целое его жизни. Оно отожествляет себя с этою своею жизнью, и потому вполне понятно и в этом смысле совершенно справедливо суждение, что это конкретное Я постепенно возникло из бесчисленных факторов и сделалось тем, чем оно себя сознает в каждый момент. Но все эти факторы по своему смыслу суть уже определения Я. Сущность действительного Я заключается в том, что оно есть и чем оно стало, в том, чем оно себя сознает и находит, во всех тех определениях, которые оно, как таковое, все же может отличать от себя, как от их носителя; и если мы можем мыслить эти факторы, составляющие каждое отдельное *я* все-таки только как определения какого-либо Я, то наша рефлексия неизбежно должна обратиться также и к этому моменту, т. е. к Я. Оно исчезает без следа, если его мыслить совершенно без определения; при определениях же оно неустранимо, как опреде-

ляемое, и дается в мышлении одновременно с определением. Поскольку удается мыслить этот момент в абстракции от всех его определений, как всегда тожественного их носителя, как Idem, постоянно в них пребывающий, он оказывается абсолютно неделимым, это есть абсолютное единство, абсолютная точка совпадения и единства, благодаря которой только и возможна жизнь человека, жизнь того или другого Я. И это абсолютное единство и неделимость Я, находимые им в рефлексии по поводу самого себя, предполагается, само собой и о всяком другом Я, от которого (согласно сказанному выше) данное Я отличает себя.

Насколько различение субъекта и объекта не означает множества составных частей, было указано подробнее в другом месте. Здесь только нужно подчеркнуть, что Я может иметь и сознавать самого себя, или, как было уже выше сказано, что оно вообще возможно только, когда оно находит себя определенным каким-нибудь образом; и что, следовательно, и объект абсолютно немыслим без определений. Если отвлечься абсолютно от всех определений, которые Я знает о себе или находит в себе, то абстракция может еще удержать только точку единства, которая может быть обозначена тогда как субъект κατέξοχήν (по преимуществу) или par excellence. Это есть самая бедная и бессодержательная вещь в мире, как уже было сказано в «Erkenntnisstheoretische Logik», и мы понимаем, что этот субъект вообще мыслим только в отношении к миру сознания, от которого мы все-

таки вынуждены его отличать. Моя рефлексия направилась прежде всего на абстрактный момент, который может быть назван субъектом κατέξοχήν или также чистым субъектом. Если мы собственно можем мыслить этот субъект, как выше было сказано, только присоединивши общее представление о каком-нибудь определении, в котором оно может находиться и следовательно вообще быть Я, то это и есть понятие «сознания вообще». Начнем обобщать весь мир объектов, в котором находится собственное Я и могут находиться другие Я, будем отвлекаться прежде всего от их индивидуальной (пространственной и временной) определенности, а затем также и от каждой специальной определенности, так чтобы получилось только абстрактное понятие какой-либо, какой угодно определенности; в таком случае и субъект такого сознания будет самым абстрактным моментом субъектности; в него входит, конечно, также абстрактный момент абсолютного единства (указанного выше) и неделимости; но в него не может входить индивидуум, то или другое определенное Я. Таким образом, фактически совпадают оба понятия: «сознание вообще» и чистый субъект или субъект κατέξοχήν, хотя мы и получили их двумя различными путями.

Теперь важно выяснить отношение абстрактного момента чистого субъекта или сознания вообще к тому, что мы назвали индивидуальным или конкретным сознанием, или Я, каким каждый себя сознает.

Сознание вообще есть «подлинное» родовое понятие по

отношению к каждому индивидуальному сознанию; но все то, что может определить это абстрактное родовое и сделать его специальным или индивидуальным, должно всегда сознаваться этим Я (чистым субъектом), т. е. быть объектом сознания или определением, в котором Я находит и имеет самого себя. Следовательно[7], это сознание (т. е. сознание вообще) – несмотря на только что указанное различие – лежит в основе всякого индивидуального сознания и так содержится в нем, как цветность в красном, например, в этом красном цвете, как фигура в данном круге, как величина в этом большом, как твердость в данном твердом. Все то, что можно сказать об отношении этих подлинных родовых понятий к подчиненным им видам, можно повторить и об отношении сознания вообще ко всем индивидуальным сознаниям или отдельным Я.

Нужно в особенности признать и по отношению к сознанию вообще, что оно есть всегда одно и то же в каждом единичном сознании, и что оно не существует в стольких экземплярах, сколько есть отдельных Я, – потому что с вопросом об «экземплярах» будет опять-таки связана проблема единичности; с другой же стороны, «экземпляры» предполагают точно таким же образом общее им всем родовое понятие. Соответственно этому все то, что к нему, т. е. к сознанию вообще, относится, из него следует, от него происходит, есть одно и то же для всех индивидуальных сознаний. Но с дру-

---

[7] Schuppe, Grundzüge der Ethik, стр. 112 с., 131 сс.

гой стороны, не следует упускать из виду, что и этот родовой момент сознания вообще, чтобы можно было мыслить его в описанном выше отвлечении, предполагает индивидуальное сознание, индивидуума, который его сознает или мыслит. Мы знаем его только как объект сознания, когда мы, индивидуумы, находим его в себе, и предполагаем его существующим также во всех других индивидуумах, которые его фактически не мыслят и никогда не совершают этой абстракции; мы знаем его, как нечто общее с нашей сущностью, и это познание есть действительный, т. е. конкретный акт мышления всегда только как объект индивидуального сознания.

Здесь, наконец, открывается возможность разрешить нашу проблему, почему всегда кажется, как будто все – если понимать душу в смысле всего индивидуального сознания – относится к психологии, и почему все же это неверно и даже невозможно. Если кто-нибудь может еще допустить, что теория познания и логика, этика и эстетика относятся к психологии, так как все это переживается только в индивидуальном сознании, то никто, однако, не может уже отнести к ней один и тот же для всех индивидуумов телесный мир. Между тем не следует забывать, что и для этого допущения имеется основание, потому что, как известно, и телесный мир всегда переживается только индивидуумами, – что ведет к известной, мною всегда отвергаемой идеалистической теории познания. И если мы теперь находим основание, почему один и тот же для всех индивидуумов мир восприятий не есть пред-

мет психологии, то это же основание поможет нам понять, почему и теория познания, логика, этика и эстетика не относятся к психологии.

В том, что всякий находит в себе и знает только как свое восприятие, свою мысль, свое переживание, некоторые стороны могут принадлежать сознанию вообще, которое индивидуум также находит только в себе, а другие стороны получают если не существование вообще, то все же свой особый вид и окраску из индивидуальности и принадлежат к ее сфере. Последняя сторона никогда не может быть одною и тою же для всех, но имеется всегда даже и при одинаковом содержании в стольких экземплярах, сколько есть индивидуумов, находящих ее в себе. Это и есть собственно индивидуальное или субъективное. Даже в одном и том же восприятии[8], мысли или чувстве могут быть совмещены в неподдающейся описанию форме две составные части, из которых одна относится к сознанию вообще как к своему источнику, как им обусловленная, другая же принадлежит индивидуальности, как особенное определение, образование, модификация, или видоизменение сознания.

Нужно установить, что из всего находимого в себе индивидуальным сознанием принадлежит сознанию вообще и что принадлежит индивидуальности и из нее вытекает. Путем дедукции до этого нельзя дойти, нужно только искать в собственном сознании, а в нем всегда выступают вместе обе сто-

---

[8] Ср. Grundriss стр. 31.

роны: лежащее в основе общее и специальная индивидуальная окраска и форма; при этом каждый элемент определяется противоположностью другого.

Здесь, очевидно, разделяются две области; по своему понятию они ясно различаются, хотя фактически, т. е. в содержании нашего собственного сознания, они теснейшим образом связаны и составляют одно целое; поэтому они не могут быть чисто и совершенно разграничены в изложении, но разграничиваются только так, что одна всегда указывает на другую, как на свою предпосылку. Из этого соотношения становится понятным, что вопрос о границах и значении психологии мог быть источником споров.

Познание и мышление, принудительность умозаключения каждый знает только из себя. Но если мы расчленим эти факты, мы найдем понятие одной и той же действительности, независимо от всего того, что принадлежит индивидуумам как таковым, – действительности, принадлежащей одному и тому же сознанию вообще, которое лежит в основе всех индивидуумов сообща, как подлинное родовое понятие их. Эта действительность есть поэтому независимый от всех индивидуумов, общий им объективный мир. Ей самой принадлежат те определения, которые мы на основании анализа признаем логическими и нашли связанными с сознанием вообще; этими определениями должно быть снабжено все то, что есть или должно стать объектом сознания, каково бы ни было то данное, к которому они принадлежат, и которое

должно вплестись в нить, как утóк в основу. Это данное есть множество, которое eo ipso предполагает различение и, следовательно, также положительные определения различного; и это множество есть целое, благодаря многообразным связям бесчисленных частей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.